

ИСКУССТВО КАК ПСИХИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ПО Е.А. БОБРОВУ)

Хулапова А.А.

В статье рассматриваются особенности феномена искусства согласно психологической концепции критического индивидуализма, разработанной Е.А.Бобровым. Анализируются вопросы об отношении искусства к нравственности, науке, религии, также дается описание психологического анализа личности художника.

Ключевые слова: персонализм, критический индивидуализм, искусство, эстетика.

В начале XX века в Варшавском (с 1917 г. – в Донском) государственном университете продолжительное время работал специалист по истории философии, психологии и литературы профессор Е.А. Бобров. Многогранность научных интересов русского ученого проявилась в его научной деятельности, посвященной различным проблемам философии, гносеологии, психологии, логики, литературы и эстетики.

К сожалению, творчество этого выдающегося профессора практически неизвестно современным ученым. С начала 20 века труды Е.А. Боброва не переиздавались, в научных источниках имя профессора практически не упоминается, ссылок на его работы в современной литературе чрезвычайно мало. Следует отметить, что среди произведений Боброва десятки монографий, среди них 4-томная «Литература и просвещение в России 19-го века» и 6-томная «Философия в России», где ученый систематизировал огромное количество материалов.

Е. Бобров не занимался углубленным изучением какой-либо определенной проблемы, он совмещал философские, психологические и литературные исследования, и в каждую из этих областей знания он внес солидный вклад. За время своей педагогической деятельности ученый опубликовал более трехсот научных статей и монографий. Проблемы, которые затрагивал Бобров в своих работах, весьма интересны, а главное – они были новаторскими для того времени (к. 19 – н. 20 вв.). Основу мировоззрения профессора составлял персонализм. Евгений Александрович вместе с другим полузабытым русским философом Алексеем Козловым был сторонником этого философского направления. В центре персонализма Боброва находится признание личности как высшей духовной

ценности, а также идеи первичной данности реальности воспринимающему субъекту.

Свои психологические учения Е. Бобров развивал историко-критическим методом, а разработанную философскую концепцию воззрений на окружающий мир именовал «критическим индивидуализмом» (теория, в которой признается всеобщая одушевленность мира). Эстетику профессор называл наукой об искусстве и рассматривал как один из видов прикладной психологии. Свои труды «О понятии искусства» (1894) и «Отношения искусства к науке и нравственности» (1895) он посвятил разработке психологических основ эстетики в духе системы персонализма. В этих произведениях Бобров рассматривал искусство как психическую деятельность, подвергал анализу феномен прекрасного, откуда оно появляется, как связано искусство с религией, наукой, нравственностью.

Е. Бобров утверждал, что искусство, в силу своего громадного значения в духовной жизни личности и общества, не может не интересоваться культурного человека. Эстетические потребности изначально присущи человеческой душе, и потому искусство живет в сердцах всех мыслящих существ.

В монографии «О понятии искусства» Бобров писал: «прекрасное для меня существует лишь постольку, поскольку я его ощущаю и соответственно чувствую. Для производства прекрасного равно необходима, как воздействующая вещь, так и воспринимающий субъект, без которого не будет и чувства прекрасного». Внешний мир и его прекрасные предметы – «есть не более как проекция, т.е. нами самими произведенное вынесение наружу и субстанцирование своего собственного душевного содержания: представлений, впечатлений и пр., даже понятий и иных логических форм. Мы проектируем и свое со-

стояние прекрасного». Таким образом, «прекрасного вообще нет вне нас; и наша душа есть единственное субстанциальное место его, как функции, пребывания; следовательно, прекрасное мы должны искать и изучать в себе, в своем духе» [3, с. 83–84].

Однако, эти положения не означают, что вне нашего «я» нет ничего, никакого внешнего мира. Окружающий мир «строится нами, по аналогии с собой, из подобных нам по духу субстанций, объединенных в стройную систему, куда и наше «я» входит как скромная часть». Прекрасное происходит в силу взаимодействия субстанций, следовательно, «определение сущности прекрасного есть часть метафизической задачи о взаимодействии монад» [3]. Бобров предполагал, что одна субстанция-монада действует на другую и своим движением производит в ней ощущение, координированное с чувством прекрасного.

Таким образом, прекрасное вызывается особого рода воздействием вещей на человека, которое совершается через ощущение. Отсюда само название эстетики, как науки о специфическом ощущении, связанном с особым чувством прекрасного [4].

Е. Бобров убежден, что необходимо изучать творчество как душевный процесс («поэтику» или учение о творческой деятельности духа), а также изучать ощущения, вызываемые произведениями искусства («эстетику» в собственном смысле) [1]. Из этого следует вывод, что эстетика включает в себе две основные проблемы: проблему художественного творчества и проблему эстетического наслаждения.

Искусство как деятельность человеческого духа есть координация функций трех видов: движения, чувства и познания. Первым признаком искусства является особого рода творчество, т.е. движение. Исходя из этого тезиса, Бобров определял искусство как систему сознательных и бессознательных «координированных движений» [6].

В искусстве бывает два рода движений: чисто духовные в области познания (фантазия), которые руководятся чувствованиями и физические движения, которые направляются на телесные органы и производят ощущения [4].

С целью определения психологического характера искусства Бобров исследует фантазию, как один из главных моментов художественной деятельности. Фантазия, по его мнению, «есть движение идейных элементов, предшествующее художественному выбору и координирующееся с эстетическими чувствами». «Свобода фантазии состоит в возможности перетасовки идейных элементов и в бесцельности их движения; зависимость же фантазии от действительности заключается в том, что в основе образов всегда лежат непосредственные восприятия, полученные при метафизическом взаимодействии

с миром». «Чем больше в творчестве художника простых репродукций и меньше субъективных комбинаций, тем художник реалистичнее; и наоборот, чем свободнее его фантазия, тем менее его образы реальны» [3, с. 199].

Поскольку, согласно теории Боброва, творческая деятельность в искусстве относится к движению, то необходимо исследовать двигательную деятельность в искусстве в отличие от других проявлений той же деятельности в науке, нравственности, религии [5].

Сравнивая искусство с наукой, Е. Бобров утверждал, что наука и искусство – вещи различные. Художник – не ученый, цель науки – истина – нечто более серьезное, чем цель искусства – развлечение, особого рода наслаждение. Далее профессор приходит к заключению, что «искусство есть особого рода познание», отличающееся от научного только чувствами. В науке познание комбинируется с логическими чувствами, а в искусстве – с эстетическими. К сожалению, вопрос об отличии логических чувств от нравственных и эстетических ученый не раскрыл.

Бобровым решался вопрос о связи искусства с религией, в частности христианством. Для христианского художника мир духовный важнее мира материального, «мира плоти». Мировая любовь наполняет душу художника и воспламеняет его сердце. При этом координация эстетических чувствований с нравственными не обязательна, если рассматривать вопрос с психологической точки зрения: т.е. произведение искусства может производить эстетическое впечатление, даже если автор не руководствовался при его создании нравственными и религиозными ценностями. Знаменем искусства служит эстетическая свобода, знаменем христианской религии и морали – свобода личности, как разумного и нравственного существа [2].

Что касается вопроса о соотношении искусства и нравственности, то они причастны внешнему движению, так как искусство создает произведения, а нравственность выражается в поступках, следовательно, они состоят в том или ином воздействии субъекта на внешний мир. Бобров делает вывод, что искусство и нравственность могут стоять в тесной связи уже на начальном этапе художественной деятельности, замысле. В силу психических условий художественного творчества и нравственной деятельности искусство может быть нравственным, что обуславливается с одной стороны индивидуальной натурой художника, с другой – качеством его внутренней жизни [1].

Искусство и нравственность, кроме внутреннего момента имеют еще и внешний, выражающийся в воздействии нашего «я» на объекты внешнего мира. Этот момент наступает при совершении выбора образа или желания. Координация искусства захватывает

сторону движения, которым символизируется и выполняется задуманное. В искусстве это называется техникой, в нравственности – умением надлежащими средствами достигнуть цели [4].

Произведения искусства вызывают в нас различные ощущения. По закону взаимной координации функций ощущения, вызываемые художественным произведением, могут сопрягаться с чувствованиями-желаниями и мыслями. Произведения искусства через ощущение могут наводить воспринимающего на определенные мысли и побуждать к тем или иным поступкам. Это может быть достигнуто только через ощущение. Вследствие индивидуальных особенностей воспринимающих субъектов произведения искусства вызывают различные настроения и поступки, а иногда совсем остаются без ответа [3].

Отдельное внимание Бобров уделял психологическому анализу личности художника. Он утверждал, что искусство воспроизводит видение художника окружающих предметов и явлений действительности. В связи с этим Бобров отграничивал художественную фантазию от «специфического художнического дара». Вероятно, художники одарены некими свойствами психического движения, поэтому их ощущения отличаются от ощущений других людей. У художников координирована особая система специфических технических движений, необходимых им для символизации своих образов. Эта прирожденная координированность технических движений и представляет наряду с художественной фантазией особенность дарования художника [4].

Нравственность искусства в замысле зависит от индивидуальности художника, как нравственного существа, и от качества состава его фантазии. В данном вопросе важным является общее нравственное развитие личности художника, его характер, энергия его эстетических и этических чувствований, качество и ценность его мировоззрения. В то же время качество и сила фантазии обуславливают саму возможность творчества, поскольку можно быть нравственным человеком и плохим художником. От свойств и силы фантазии будет зависеть, должен ли художник, как нравственная личность, слепо отдаваться влечениям или бороться с ней, в силах ли он противостоять ей, или ему придется уступить порывам своего бурного воображения [3].

Художник живет в определенных физических условиях, в определенной нравственной атмосфе-

ре. Отсюда следует, что и фантазия, и порождаемые ею образы, и произведения, в которые эти образы облакаются, будут носить на себе печать условий жизни художника, следы того, что называется «духом времени», отголосок происхождения художника, его национальности, образования, религии и т.д. Среда может влиять на художника двояко: чем нравственнее и чище атмосфера, в которой жил и творил художник, тем нравственнее и его фантазия, тем нравственнее и его творения [3].

Автор отмечает у истинного художника особое отношение к его самосознанию, обнаруживающееся при его деятельности. Художественное творчество в высших его моментах отличается тем, что художник как бы забывает о своем собственном существовании и о существовании внешнего мира и весь как бы поглощается образами своей фантазии. Таким образом, Бобров приходит к заключению, что высшим мотивом искусства является любовь к ближнему и гуманные идеалы.

В заключение следует отметить, что определение понятия «искусства», согласно теории Е. Боброва, может быть добыто лишь из сравнения искусства, как психической функции, с другими идеальными деятельностями духа: наукой, религией и нравственностью. Различие между ними, согласно Боброву, полагается, с одной стороны в принадлежности к различным классам психических явлений, с другой – в различии специфических чувствований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров Е.А. Искусство и нравственность // Вопросы философии и психологии. – 1893. – Кн. 20. – С. 1–29.
2. Бобров Е.А. Краткий отчет о занятиях во время ученой командировки летом 1898 г. с приложением двух рассуждений: О координальном бытии; Искусство и христианство. – Казань, 1899.
3. Бобров Е.А. О понятии искусства. Умозрительно-психологическое исследование. – Юрьев, 1894.
4. Бобров Е.А. Отношение искусства к науке и нравственности. – Юрьев, 1895.
5. Козлов А.А. Теория искусства с точки зрения Тейхмюллера // Вопросы философии и психологии. – 1895. – Кн. 27. – С. 178–189.
6. Маковельский А.О. Работы профессора Е.А. Боброва по философии // Известия СКГУ. – 1928. – Т. 3 (16). – С. 3–7.